

ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ В. Г. РАСПУТИНА

В статье рассматриваются интерпретации и оценки социальной реальности России периода перестройки и последующего времени в публицистике В. Г. Распутина. Обращаясь к осмыслению кризисных процессов конца 1980-х – начала 2000-х гг., писатель выстраивает систему их детерминант. Характер оценок определяется этикой, которая становится жестко авторитарной, в публицистических выступлениях отчетливо проявляется монологизм и авторитаризм сознания писателя.

Ключевые слова: В. Г. Распутин, публицистика, проблематика, социальные процессы постсоветской России.

Активизация публицистической мысли Валентина Распутина приходится на начало 1980-х гг.: «Иркутск с нами» (1979), «За Непрядвой лебеди кричали» (1980), «Байкал» (1981), «Сибирь без романтики» (1983) и др. Обращение к публицистике, прямому авторскому слову с характерной для него побудительной модальностью, в числе прочих причин – социально-политические, кризис прозы национального самосознания и т. д., связано с обостренным вниманием к проблемам общественного бытия. После «Пожара» (1985), вызвавшего лавину споров вокруг его публицистичности, критика констатировала «творческую паузу», мировоззренческий кризис. В период перестройки и

после публицистика доминирует в творчестве писателя – более двух с половиной сотен статей, очерков, рецензий, выступлений и высказываний, около полутора сотен интервью [Валентин Григорьевич Распутин, 2007]¹. С конца 1980-х гг. происходит значительное расширение проблемного поля, масштаба и характера выводов и обобщений, касающихся социальной, политической и культурной ситуации современной России. Объясняется это, во-первых, объективными обстоятельствами социально-исторического характера (распад идеологии и государственной системы СССР), во-вторых, усугублением духовного кризиса самого писателя. В 1992 г. В. Распутин говорит:

¹ В 1987 г. в Иркутске выходит публицистический сборник «Что в слове, что за словом?: Очерки, интервью, рецензии» (Вост.-Сиб. кн. изд-во). В 1991 – сборник очерков «Сибирь, Сибирь...» (М.: Молодая гвардия). В 1993 – сборник публицистики рубежа 1980-х – 1990-х гг. «Россия: дни и времена» (Иркутск: Изд-во журн. «Сибирь» совместно с товариществом «Письмена»). В 2000-е гг. выдерживает несколько переизданий сборник бесед В. Распутина с журналистом «Советской России» и «Правды» В. Кожемяко 1990-х – 2000-х гг. «Последний срок: диалоги о России» (М.: Радуга). В 2007, в год 70-летия В. Распутина, «в дополнение» к «юбилейному» четырехтомнику прозы писателя выходит сборник, включивший в себя избранные публицистические выступления и повесть «Пожар», не вошедшую в четырехтомное собрание сочинений – «В поисках берега» (Иркутск: Изд-во Г. Сапронова). Публицистичность образует свой план и в художественных произведениях В. Распутина: рассказы «В одном сибирском городе», «Сеня едет» (1994), «В больнице», «Женский разговор», «В ту же землю», «Пососедски» (1995), «Видение», «Нежданно-негаданно», «Вечером», «Поминный день» (1997), «Новая профессия» (1998), «Изба», «На родине» (1999), «Под небом ночным» (2002), «В непогоду» (2003), повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003).

«Семь лет назад, когда вышел “Пожар”, это были только цветочки. Ягодки поспевают лишь теперь» [Распутин, 1993а. С. 89]².

Россия 1990-х гг. оценивается В. Распутиным как «страна фантастического саморазрушения» – «изувеченная Россия» [Распутин, 1998а. С. 22]. В публицистике рассматривается самый широкий спектр общественных проблем – проявлений комплексного кризиса, в котором, в оценках писателя, оказалась современная Россия: духовно-нравственные, психологические, социально-экономические, демографические и т. д. В. Распутин фиксирует хаос социальной жизни, утрату идеального в человеке. Новая формация трансформируется в мир абсурда: «...все перевернулось, распалось, пошло колесом, все столкнулось и возрпало, пришло в противоречие, объялось недоверием, злостью, нетерпением» [Распутин, 1993б. С. 98]. Усугубляющаяся девальвация национальных традиций, культуры, нравственности, утрата современниками исторического сознания (памяти), проистекающий из этого кризис национальной самоидентификации («национальные безразличие и вялость», «безнациональный народ») позволяют В. Распутину ставить вопрос о существовании нации, по сути, о конце национальной истории.

В 1980-е гг. устойчивость национальной души не подвергалась сомнению: «...внешние временные обстоятельства могут ее, душу народную, накрентить в ту или иную сторону, но не могут искоренить ее основу, которая в сущности, в главном остается такой же, какой она была и сто и двести лет назад и какой, шлифуясь по пути, продолжается она для конечных целей» [Распутин, 1982. С. 317]. С начала 1990-х гг. происходит разочарование в нравственной устойчивости и сопротивляемости народа: «Мы рас-

считывали на здравый смысл, на нравственное здоровье народа, а они оказались подорванными больше, чем мы подозревали» [Распутин, 1993в. С. 42].

В. Распутин стремится осмыслить причины кризисных процессов современной России в целом и духовно-нравственного кризиса в частности. Во-первых, выделяется исторический фактор. С конца 1980-х гг. текущее состояние духовной жизни в России предстает в публицистике В. Распутина как закономерный итог нового нравственного упадка, под знаком которого прошел весь новейший период национальной истории. События «окаянного» века оцениваются В. Распутиным как катастрофичный результат растраты накопленного за тысячелетие нравственного запаса народа, когда сам народ, называвший себя ранее «богоносным» и «нравственной крепостью мира», своими же руками уничтожил все свои духовные опоры [Распутин, 1990].

Для публицистики В. Распутина 1990-х гг. характерна персонификация негативных социальных процессов, что полностью снимает, по мнению писателя, вину с народа. Объективно-исторические обстоятельства кризиса создают условия для формирования его проводников. Субъектами ответственности делаются, во-первых, призрачные силы мировой глобализации, во-вторых, власть (как советская, так и постсоветская), в-третьих, либеральная общественность (интеллигенция), в-четвертых, проводники массовой культуры – «сонмище срамников, хулителей и оболъстителей».

Вина советской власти в разрушении основ народной жизни акцентируется в публицистике с конца 1980-х гг. С одной стороны, писатель говорит о дегуманизации экономики советского государства, приводящей к «государственному попустительству» и «ведомственному разбою». В 1999 г. Распутин вспоминает, что, когда писал «Прощание с Матерой», «выступал не против строительства гидроэлектростанций, как тогда представляли», а против ненадлежащего отношения к человеку, проявившемуся особенно при проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию гидроэлектростанций на Ангаре [Распутин, 1999]. Так же оцениваются и борьба Совмина с «неперспективной» деревней, и проект «поворота» северных и сибирских рек, и ряд других хозяйственных проектов.

² При этом остаются неизменными сложившиеся в 1980-х гг. проблемные доминанты и способы их оценки, что позволяет рассматривать публицистику 1980-х – 1990-х гг. как единый текст. Об этом свидетельствует сам В. Распутин в общении с журналистом «Российской газеты» О. Нехаевым. Корреспондент воспроизводит телефонный разговор с писателем, состоявшийся перед интервью летом 2002 г.: «О чем разговаривать?! Зачем?! Кому это сейчас нужно! – категорично звучал из телефонной трубки голос Распутина. – Я больше двадцати лет занимался публицистикой. Ничего не изменилось» [Распутин, 2002].

С другой стороны, советская власть пренебрегает восполнением и без того бедных духовно-нравственных запасов народа (ориентация системы образования на технические нужды, его идеологическая зашоренность и т. д.), что приводит к вытравлению национального духа и к моральной дезориентации общества: «Эпоха беспамятства не прошла даром: мы воспитали поколения людей, которые не восприимчивы к культурно-историческому наследию, догматически не только мыслят, но и чувствуют, с начисто отмершим органом, который позволял бы отделить временное от вечного» [Распутин, 1988. С. 170].

В. Распутин отдает себе отчет в том, что перестройка была необходима ввиду неэффективности экономической системы, политического управления и бедности культуры советской страны, но полагает, что спешные усилия советской системы по собственному реформированию запоздали, а неконтролируемый рост общественного раздражения создал условия для успешной подрывной работы Запада, формирования «пятой колонны», что, в конечном счете, и привело к распаду СССР.

В 1990-е гг. писатель ничуть не сомневается в том, что все проявления духовной и социально-экономической катастрофы в постсоветском государстве предусматривались «реформаторами» заранее. Он наблюдает прямую зависимость властной элиты новой страны от политико-экономических (военно-политических) сил на Западе, стремящихся лишить Россию суверенитета и исключить ее, таким образом, из мировой политики. Со второй половины 1990-х гг., с завершением процесса перераспределения бывшей госсобственности, утверждается генетическая зависимость власти от олигархических кругов. Как и на исходе существования советского государства, В. Распутин отмечает отчуждение власти от человека, усиливающее социально-экономические проблемы и социальную апатию 1990-х гг.

Таким образом, для публицистики В. Распутина этого периода характерна обвинительная направленность, предельная категоричность суждений. В публицистических выступлениях писателя даже могут содержаться требования государственных ограничений свобод, предоставляемых гражданам: «Если натасканные к нам свободы убивают жизнь и их не представляется воз-

можным обуздать, на кой нам нужны эти свободы!» [Распутин, 1998б. С. 8].

Такая тональность поздней публицистики В. Распутина позволяет некоторым критикам определять способ мироотношения писателя как «раскольнический»: «Распутин – это слабое эхо протопопы Аввакума и – шире – всей раскольничьей традиции; тихий последыш грандиозного духовного бунта, не прекратившегося и по сей день. Это резко выделяет писателя среди всех «деревенщиков», делает его явлением по своему исключительным» [Басинский, 1992. С. 4]. Еще с начала 1980-х гг. В. Распутин дифференцирует народ на население страны и корневую основу нации. С конца 1980-х гг. эта концепция приобретает новое звучание. Писатель начинает осознавать свершившийся раскол России. С одной стороны, выделяется население – та часть народа, которая поддалась пагубным влияниям, приняла «чужую и срамную» жизнь – «денационализированное общество». С другой – собственно народ («...коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, врученные нации при рождении» [Распутин, 1998в. С. 5]). Интенциональность народа оказывается скрытой, находится в латентном состоянии («А руда редко выходит на поверхность, она сама себя хранит до определенного часа, в который и способна взбуриться, словно под давлением миновавших веков» [Там же]), но воплощается в ограниченной части соотечественников («Народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлечь за собой многих» [Там же]). «Коренную» породу нации В. Распутин называет «второй Россией» («У нас, верно, две России» [Распутин, 1999. С. 5]). Участники первого Русского национального собора, состоявшегося в июне 1992 г., противопоставляются всем остальным – «отпавшим и соблазненным». Социальная ситуация постсоветской России сравнивается со Смутным временем; в публицистике широко используется военная образность и терминология.

Позиция, к которой призывает и которой следует сам писатель, может быть обозначена как позиция «дифференцированного» человека (Ю. Эвола) – воздвижение в себе духовной крепости, различение зла в мире и исключение его влияний на собственную

душу: «Я знаю только один рецепт: не поддаваться разрушению, видеть грозящее тебе зло и уметь разглядеть его в любых упаковках. Выключить беснующийся, не раскрывать развратные газеты; не внимать злонамеренным речам. Без зрителей, читателей и последователей они все равно не останутся, но пусть обходятся без нас. Этому воинству мы не противники» [Распутин, 1993г. С. 75]. Если индивидуальное спасение писатель видит в том, «чтобы не дать затянуть себя в круг, где творится торжище зла», то в социальном аспекте предлагает соборную модель поведения – «...сходиться вместе» [Там же]. Силы для обеспечения духовного самостояния (национального самосознания) и противостояния необходимо черпать в национальной истории и народной нравственности.

Важный фактор самоощущения В. Распутина в начале 1990-х гг., особенно после подписи под печально известным «Письмом к народу» (1991), – ожидание по отношению к себе репрессивных мер. В интервью «Литературной газете» в январе 1992 г. писатель говорит, что ощущает себя приговоренным к «гражданской казни через поношение» [Распутин, 1993д. С. 55]. В публицистике неоднократно высказывается ожидание ареста. Выступая на VII Съезде писателей России, В. Распутин говорит: «Сегодня свой съезд мы проводим в армейском театре, но опубликованный проект Конституции России дает надежду на то, что в следующий раз нам придется собираться в более романтическом месте и в более сюжетно-увлекательных условиях» [Распутин, 1993в. С. 43]. Наконец, писатель допускает вероятность своего физического устранения: «...если человек держится, не поддается психологическому террору, могут пойти и на отстрел в прямом смысле этого слова» [Распутин, 1993д. С. 67]. Как прецедент приводится убийство И. Талькова и калужского журналиста И. Фомина. Все это свидетельствует о формировании в сознании В. Распутина мученического самоощущения.

Значительную часть публицистического наследия конца 1980-х – начала 1990-х гг. составляют публичные выступления на всевозможных съездах (Русского Национального Собора, Союза писателей России и др.), что свидетельствует об обращении к чистой политической риторике с пропагандистскими целями. При этом публицистика отлича-

ется усложненным стилем, говорящим о фактическом отсутствии установки на широкую доступность понимания содержащихся в ней идей – ориентация на узкий круг единомышленников, «национальную» интеллигенцию. В. Распутин не пишет глобальных проектов государственного переустройства России, как А. Солженицын («Как нам обустроить Россию?»), касается, в основном, проблем сохранения нравственности и национального сознания, в общем говорит о самых разных общественных проблемах, не выдвигая, однако, развернутых, концептуальных предложений по их преодолению, сосредоточивается на нравственной проповеди: «Нет у меня, к сожалению, спасительных советов. Нет ничего такого, чего бы вы не знали. Жить по совести» [Там же. С. 71].

В первой половине 1990-х гг. В. Распутин выражает сдержанный оптимизм, утешается и хочет верить в позитивные изменения: «Нет, надо верить. Зло, быть может, и необоримо до конечных сроков, но оно не может праздновать полную победу. И праведники еще остаются, и не выжили совершенно люди из бескорыстия, благоразумия, веры» [Распутин, 1993б. С. 99]. В конце 1990-х гг. часто высказывается полное разочарование и тотальный пессимизм: «Мне думается, есть две вещи, не зависящие ни от какого правительства, ни от наших усилий, потому как это зашло слишком уж далеко и приняло, по всему видно, необратимый ход. Первое – разрушение природы, второе – “расчеловечение” человека» [Распутин, 1997. С. 2].

В этот период В. Распутин допускает противоречивые суждения. «...Для нашей молодежи планка нравственных устоев действительно существенно понизилась. Но не упала. Разговоры же о том, что молодежь нынче стала не та, слишком американизировалась и многого не понимает, – пустое. Старое, всегдашнее ворчание», – например, говорит В. Распутин в 2000 г., комментируя митинги протеста российской молодежи против натовских бомбардировок Югославии [Распутин, 2000]. Иная оценка современной молодежи, похожая на то самое «старое, всегдашнее ворчание», высказывается двумя годами позже: «Я все время всматриваюсь в лица людей. К семнадцати годам на них уже все прописано. И последнее время все больше и больше вижу у мо-

лодежи равнодушие... Извините, грубо скажу, тупые лица. И не потому что ничего не понимают. А они с какой-то окорью. Как корой покрыты!» [Распутин, 2002].

Противоречивые высказывания в один период – показатель усталости от непосильной ноши за всю Россию, которую взвалил на себя писатель. Реальность теряет осмысленность, становится фрагментарной. В. Распутин реагирует на локальные ее фрагменты и, в силу универсализма своего мышления, делает обобщающие оценки, порой противоречащие друг другу. Тяжелые психологические состояния скрываются писателем, но проступают в его высказываниях, записанных внимательными журналистами: «Сомнения, по правде говоря, посещают часто. Уныние тоже случается. Иногда и безнадежность полная бывает. Но нельзя... Нельзя этому поддаваться. И главное – нельзя свое личное настроение высказывать публично. Это же сказывается на других» [Там же].

Одновременно, в интервью конца 1990-х гг. В. Распутин может отказываться от ярлыка «плакальщика», наложенного на него критиками: «...петь отходную я бы не стал. Человек возвращается в жизнь из состояния клинической смерти, то же самое чудо способно произойти и с государством. Конечно, это происходит в том случае, если всерьез берутся за его спасение, а не делают ложных движений» [Распутин, 1998в]. Робкие надежды на национально-государственное возрождение появляются на рубеже 1990-х – начала 2000-х гг.: «В России нельзя прожить без нравственности. Слава Богу, что в последнее время это высокое понятие вновь заняло подобающее ему место. И нынешние политики заговорили о нем с трибун» [Распутин, 2000].

В 2000-е гг. отношение В. Распутина к социальной действительности становится сдержаннее, что может быть объяснено окончательным завершением «травли» и новым признанием. В последние годы писатель удостоивается ордена Преподобного Сергия Радонежского II степени, медали ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени, ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, многочисленных премий («Москва – Пеннне», премии А. И. Солженицына, «России верные сыны», Президента РФ и др.) и чувствует себя востребованным: «...сейчас меня начинают признавать заново.

И это как чудо. Признавали при той, при старой, власти. Признавали широко. И теперь начинают. И вот это постоянство позиции, наверное, начинает уважаться» [Распутин, 2002]. Ему пишут письма дети, и В. Распутин говорит, что «это очень приятно». Наконец, государственник В. Распутин наверняка наблюдает укрепление «вертикали» власти, усиление государства и некоторые позитивные изменения в социальной жизни, даже выступая с критикой политики постельцинской России.

Итак, анализируя социальную ситуацию постсоветской России, В. Распутин оценивает ее как время комплексного кризиса всех общественных институтов, в первую очередь нравственности и культуры. В. Распутин выражает принципиальное неприятие современной российской действительности, характеризующейся для него моральным релятивизмом, девальвацией традиционных ценностей и констант национального сознания и культуры. В социальной ситуации постперестройки это отношение становится крайне трагическим. Позитивные тенденции в жизни общества начинают слабо ощущаться писателем лишь в начале 2000-х гг.

В. Распутин выстраивает систему детерминант кризиса общества, народа и государства: трагический ход национальной истории в XX в., вина власти, а с распадом СССР – западных кругов, либерально-демократической общественности, массовой культуры и крупного бизнеса. Характер интерпретации социальных (социально-нравственных, политических и экономических) процессов определяется этикой, которая становится жестко авторитарной. В ситуации нравственного упадка абсолютизируется этический императив, в публицистических выступлениях отчетливо проявляется монологизм и авторитаризм сознания писателя.

Результаты анализа открывают значение публицистического высказывания для самосознания В. Распутина в период перестройки и постперестройки, позволяют скорректировать взгляды на его творчество как мировоззренческую систему, в которой традиционный тип ментальности предстал в двух принципиально разных социально-исторических ситуациях – стабильности и модернизации, что уточняет представления о причинах художественного кризиса писателя.

Список литературы

Басинский П. Memento mori. Валентин Распутин, большой и маленький // Лит. газ. 1992. № 44 (5421), 28 окт. С. 4.

Валентин Григорьевич Распутин: Библиогр. указ. / Сост. Г. Ш. Хонгордоева, Э. Д. Елизарова с участием Л. А. Казанцевой. Иркутск, 2007. 472 с.

Распутин В. Жила-была сказка... Живет ли она?: [Послесл.] // Евсеенко И. Крик коростеля. М., 1982. С. 317–319.

Распутин В. Жертвовать собою для правды. Против беспамятства // Наш современник. 1988. № 1. С. 169–176.

Распутин В. Ближний свет издалека // Лит. Иркутск. 1990, апр. С. 1–3.

Распутин В. Прозреть и не отступить [Интервью газете «Сельская жизнь»] // Распутин В. Г. Россия: дни и времена. Публицистика. Иркутск, 1993а. С. 87–99.

Распутин В. Вниз по Лене-реке // Наш современник. 1993б. № 11. С. 95–111.

Распутин В. Россия уходит у нас из-под ног [Выступление на VII съезде писателей России, дек. 1990] // Распутин В. Г. Россия: дни и времена. Публицистика. Иркутск, 1993в. С. 41–46.

Распутин В. Дни наши тяжкие [Интервью журналу «Мир женщины» / Беседу вела А. Жарова. Янв. 1992] // Распутин В. Г. Россия: дни и времена. Публицистика. Иркутск: Изд-во журнала «Сибирь» совместно с товариществом «Письмена», 1993г. С. 72–86.

Распутин В. После событий, накануне событий [Интервью газете «Лит. Россия»] / Беседу вел П. Емелин. Янв. 1992] // Распутин В. Г. Россия: дни и времена. Публицистика. Иркутск, 1993д. С. 55–71.

Распутин В. Потрясения рождают растерянность, а растерянный человек и Отечество, и судьбу потерять может / Беседу вела О. Баталина // Рос. газ. 1997. 18–24 окт. С. 2, 3.

Распутин В. Громкое имя – Сибирь // Москва. 1998а. № 7. С. 11–22.

Распутин В. «...Но как на свете без любви прожить?» / Беседу вела А. Харитонова // Сел. жизнь. 1998б. № 5 (22295), 15 янв. С. 8–9.

Распутин В. У нас Поле Куликово, у них – «Поле чудес» / Беседу вел В. Кожемяко // Сов. Россия. 1998в. 2 апр. С. 5.

Распутин В. Тихая его родина / Беседу вел Н. Савельев // Рос. газ. 1999. 6 нояб. С. 1, 5.

Распутин В. По-русски – значит по совести. Оптимистическая проза «пессимиста» Валентина Распутина / Беседу вела Т. Серебрякова // Рос. газ. 2000. 21 апр. С. 25.

Распутин В. Чиновники забыли о людях / Беседу вел О. Нехаев // Рос. газ. 2002. 4 июля. Прил. «Союз Белоруссия – Россия», № 25. С. 3.

Материал поступил в редколлегию 11.03.2010

P. P. Kaminskiy

POSTSOVIET RUSSIA IN PUBLICISM OF VALENTINE RASPUTIN

This article based on the material of publicism (political essays, speeches and interviews) considers V. Rasputin's interpretations and estimations of sociohistorical processes in Postsoviet Russia. Studying the research of crisis processes of the end 1980 – the beginnings of 2000, the writer offers the system of their determinants. Character of interpretation is determined by the ethics which becomes rigidly authoritative. In a direct word of publicistic statements is clearly shown the monologicality of writer's consciousness.

Keywords: Valentine Rasputin, publicism, problematics, social processes of Postsoviet Russia.